

Когда Ши Цин, кипя от негодования, ворвался в императорский кабинет, сидевшие там в тепле и уюте принцы на мгновение лишились дара речи, завидев его столь плачевный вид.

Молодой господин всегда был изнеженным; с самой первой их встречи они не видели на нем ни единой дождевой капли. Именитые сановники, прибывая к дворцовым воротам, покорно покидали свои паланкины и шли к залу пешком — таков был незыблемый закон, обязательный даже для принцев. Наложницам из внутреннего дворца дозволялось пользоваться носилками, однако их владения были строго отделены от переднего двора, и если какая-нибудь дама желала почтить своим присутствием мужскую половину, ей надлежало следовать этикету и идти своими ногами.

В этом огромном дворцовом комплексе, помимо их августейшего отца, восседавшего на Драконьем троне, лишь Ши Цин обладал привилегией въезжать в ворота, не покидая паланкина. И юноша вовсе пользовался этим исключительным правом: если император позволял ему не спешиваться, он добирался в паланкине до самого кабинета, а по лестницам и вовсе требовал, чтобы его несли на закорках.

У него хватало дерзости на подобную гордыню, а уж с тех пор, как он принялся изводить Юй Чэньняня, аппетиты Ши Сяоцина только выросли. Целыми днями напролет подошвы его расшитых золотой нитью сапог Цинъюнь оставались девственно чистыми — верный признак того, что его ноги почти не касались грешной земли.

Но сейчас на иссиня-черных волосах драгоценного юноши таяли снежинки, его алый плащ был ими усыпан, и даже подошвы сапог, всегда сверкавшие чистотой, теперь были покрыты грязной талой водой.

— Ши Цин? Почему ты шел сам, а не заставил евнуха донести тебя?

Принцы поднялись навстречу, засыпая его вопросами. Первым заговорил Юй Чэньхао; он расплылся в приветливой улыбке и протянул руки, чтобы помочь юноше снять плащ. Однако Ши Цин резко уклонился, и в его широко распахнутых глазах отразилось явное недовольство.

— Старший брат-император, что всё это значит?!

Старший принц опешил:

— О чем ты? Что я сделал?

Ши Цин ошетинился, как рассерженный котенок:

— Если я тебе не нравлюсь — скажи прямо! Если я бельмо в твоём глазу — не скрывай! Но к

чему это издевательство надо мной?!

— Издевательство? Я... как я мог издеваться над тобой?

Юй Чэньхао, на которого ни с того ни с сего свалилось подобное обвинение, выглядел совершенно сбитым с толку. Кому во дворце не было известно об особом статусе Ши Цина? Старший принц не был ни безумцем, ни глупцом, чтобы намеренно задирать фаворита.

— И ты еще смеешь отпираться! — вскипел молодой господин.

Он резко развернулся, подбежал к дверям и схватил за руку Юй Чэньняня, который замер на пороге, не решаясь войти в промокшей одежде. Втащив его внутрь, Ши Цин вновь подскочил к Юй Чэньхао.

— Все знают, что эти дни он обязан носить меня! Ты заставил его стоять на снегу столько времени! Он промок до нитки — и как он, по-твоему, должен теперь нести меня?!

Юй Чэньхао замер. Он всего лишь хотел немного помучить Девятого брата, но в устах Ши Цина это превратилось в личное оскорбление самого Ши Цина. Несмотря на то что в душе Старшего принца бушевало негодование, он прекрасно понимал: злить этого юношу нельзя. Подавив гнев, он заставил себя успокоиться и выдал мягкую улыбку, пытаясь по-дружески взять Ши Цина за локоть.

— Ши Цин, я вовсе не это имел в виду. Просто в последнее время Девятый брат совсем отбил от рук в учебе. Я, как старший, не мог не проявить строгость в надежде на его исправление. Если он не может нести тебя — я прикажу любому евнуху исполнить эту обязанность.

— Ну уж нет!

Любой другой на его месте принял бы извинения, но Ши Цин не знал, что значит идти на уступки. Он бесцеремонно сбросил руку принца, не скрывая своего отвращения:

— Эти евнухи и в подметки не подходят Юй Чэньняню! Мало того что они тощие как щепки, так еще и пахнут какими-то приторными благовониями. Мне нужен только Юй Чэньнянь!

Такой каприз вполне соответствовал характеру молодого господина: если у него было что-то лучшее, он никогда не соглашался на посредственность. Евнухи, прислуживавшие в покоях, разительно отличались от обычных слуг. Лишенные мужской силы с ранних лет, они проводили жизнь в бесконечных заботах: вставали до рассвета, ложились глубокой ночью и питались чем придется, а потому редко отличались дородностью. Нести кого-то на их костлявых спинах было сомнительным удовольствием.

К тому же многие из них со временем теряли контроль над естественными потребностями, и

чтобы не раздражать господ неприятными запахами, евнухи обильно посыпали себя дешевой пудрой и благовониями. Лишь самые влиятельные из них могли позволить себе что-то качественное, остальные же благоухали так, что резало глаза. Именно поэтому в народе говорили, что евнух — наполовину женщина: куда бы они ни шли, за ними тянулся шлейф тяжелого парфюма.

Ши Цин, будучи спутником принца, не имел собственного штата слуг во дворце и обычно пользовался услугами приставленных к нему евнухов. Раньше он терпел это, не имея выбора, но за несколько дней, проведенных на спине Юй Чэньняня, он познал истинный комфорт.

Он принялся совершенно бессовестно третировать Юй Чэньхао:

— Весь дворец видел, как Девятый брат следует за мной. Твое наказание — это оскорбление в мой адрес! С тех пор как я стал твоим спутником, я вхожу во дворец с первыми лучами солнца и покидаю его только на закате. Когда учитель недоволен — он бьет по рукам меня вместо тебя! Я отдаю тебе все силы, а ты используешь Юй Чэньняня, чтобы ударить меня по лицу! Где здесь справедливость?!

Старший принц едва не поперхнулся от ярости.

— Я всего лишь наказал Юй Чэньняня! Какое отношение это имеет к тебе?!

— Прямое! — Ши Цин стоял на своем с непоколебимой уверенностью. — Если бы ты не наказал его, на мне не было бы ни единой снежинки!

Логика была безупречной — в его собственном понимании. Остальные принцы, завидев эту размолвку, не преминули воспользоваться случаем. Они с радостью принялись подливать масла в огонь.

— Верно, Старший брат, тут ты неправ, — подхватил один.

— Ши Цин еще совсем юн, дома он жил в неге и роскоши, а приходя во дворец ради тебя, вынужден терпеть лишения. Его обида понятна.

— Брат, тебе стоит извиниться. Нехорошо вышло: юноша без вины оказался опозорен. Посмотри, как ему горько.

Ши Цин никогда не сомневался в своей правоте. Окружающие всегда поддерживали в нем убежденность: Ши Цин не может ошибаться, это другие досаждают ему. Раньше в роли безвинно пострадавшего выступал Юй Чэньнянь, и Старший принц тогда только злорадствовал. Теперь же чаша весов качнулась в другую сторону. Ощувив на себе, каково это — когда тебя бездоказательно тыкают носом в «ошибку» и требуют покаяния, Юй Чэньхао едва сдержался. Его обходительность с Ши Цином была продиктована лишь весом Канцлера Ши и

милостью императора. Слышать подобные обвинения в лицо было невыносимо. Но ради выгоды он был вынужден проглотить обиду.

Глубоко вздохнув, принц выдавил на лицо подобие улыбки, стараясь говорить ласково:

— Ши Цин, это была моя ошибка. Больше такого не повторится. Прости меня, не сердись.

Гнев на лице молодого господина начал медленно угасать. Он хмыкнул и гордо вскинул подбородок, приняв вид «великодушного прощения»:

— Ну хорошо. Раз ты признал вину — на этот раз я тебя прощаю.

Это было классическое поведение человека, который, получив всё, еще и выставляет себя благодетелем. Лицо Юй Чэньхао едва не исказилось в гримасе. Оглядевшись, он заметил, что, кроме Юй Чэньняня, который по привычке стоял с опущенной головой, все остальные братья смотрят на него с нескрываемой насмешкой.

Никогда прежде он не терпел подобного унижения.

— Я чувствую некоторую усталость, — сухо произнес он. — Отлучусь ненадолго отдохнуть. Прошу братьев известить меня, когда прибудет наставник.

С этими словами он поспешно удалился. Судя по напряженной спине, он был готов взорваться от негодования. Остальные трое принцев тут же обступили Ши Цина.

— Посмотри на себя, ты совсем промок!

— Ты всё еще как ребенок. Если что-то не так — пришел бы сразу в кабинет. Посмотри, сколько снега! Нужно скорее переодеться.

— И сапоги насквозь сырые. Если нет сменных — пошли ко мне, я дам пару новых. Поверь, они совершенно новые.

Ши Цин оказался в центре внимания, окруженный заботой. Все вокруг сокрушались, будто прогулка по снегу была для него смертельным испытанием. О настоящем страдальце — Юй Чэньняне — никто и не вспомнил. Молодой господин, привыкший к такому обращению, чихнул и потер носик.

— Пустяки. Я мужчина, что мне какой-то снег или ветер? У меня есть сменная одежда в комнате, пойду переоденусь.

Закончив, он не забыл и о Девятом принце. Повернувшись к юноше, который по-прежнему хранил молчание, он бросил недовольно:

— Что застыл?! Иди сюда!

Юй Чэньнянь молча последовал за ним. Он простоял на холоде слишком долго, и при каждом его шаге на пол падали капли воды. Принцы, не гнушавшиеся промокшего Ши Цина, брезгливо расступились перед ним. Юноша не удостоил их даже взглядом; его взор был прикован к спине впереди идущего подростка.

Выйдя из зала, Ши Цин не направился в свои покои, а внезапно схватил Девятого принца за руку. Тот инстинктивно дернулся. Молодой господин замер, и на его алебастровом лице проступило возмущение:

— Ты что творишь?!

Юй Чэньнянь опустил глаза, его руки безвольно повисли:

— Я грязный.

— Подумаешь, снежная вода! Какая же ты заноза! — проворчал Ши Цин, но своего не оставил и вновь властно схватил принца за рукав. Понизив голос до шепота, он заговорщицки произнес: — Я хочу послушать, не болтает ли Старший брат про меня гадостей. Пойдешь со мной. Если нас заметят — защитишь меня, понял?

Видимо, почувствовав, что такие слова выставляют его слабым, или решив, что для верности слугу нужно подбодрить, юноша надменно вздернул нос:

— Я зову тебя не потому, что евнухи во дворце — не мои люди. Просто я оказываю тебе честь. Хоть ты и стоишь как деревянный истукан, зато ростом велик — может, и выйдет из тебя какой толк.

Ши Цин, казалось, и не заметил, как выдал свои истинные мотивы. Закончив тираду, он крепко вцепился в руку Юй Чэньняня и на цыпочках двинулся вперед. Сделав пару шагов, он обернулся и увидел, что юноша идет своим обычным шагом. Его изящное лицо исказилось в гримасе досады.

— Ты совсем глупый?! Я же сказал — мы идем подслушивать! Пригнись, чтобы тебя не увидели!

Юй Чэньнянь покорно склонил голову. Его взгляд оставался прикованным к подростку. Ши Цин же, всем своим видом изображая «вора на деле», осторожно крался вперед, согнувшись в три погибели. С ракурса Девятого принца было видно, как Ши Цин старательно переступает в

своих миниатюрных сапожках, едва касаясь пола. Несмотря на всю нелепость ситуации, в этом зрелище не было ничего отталкивающего.

[Уровень отторжения Юй Чэньняня: 95/100]

Система пребывала в недоумении.

«Может, я просто слишком красив? — Ши Цин мысленно хихикнул. — Хи-хи-хи»

Когда они добрались до покоев Старшего принца, евнуха, который должен был дежурить у дверей, на месте не оказалось. Принцы, прибывавшие в императорский кабинет, брали с собой лишь одного доверенного слугу. Раз личного евнуха Юй Чэньхао не было снаружи, значит, он был внутри.

Ши Цин потянул Юй Чэньняня за собой, и они затаились у самой двери. Юноша молча наблюдал, как Ши Цин прижался ухом к створке. Впрочем, в этом не было особой нужды: голос Старшего принца звучал громко. Внутри что-то с грохотом разбилось.

— Да кто он такой?! — раздался яростный рев Юй Чэньхао. — Если бы не его отец, я бы давно показал ему его место!

— Ваше Высочество, прошу вас, успокойтесь! — запричитал евнух. — Говорите тише, если кто услышит...

— Пусть слышат! Он всего лишь сын подданного! Неужели отец действительно отвернется от первенца ради какого-то мальчишки?! Кто дал ему право так со мной разговаривать?! Я терпел его капризы только ради Канцлера Ши, а он возомнил себя бог весть кем! Жалкий спутник, как он смеет так наглеть?! Вот когда я получу власть...

Юй Чэньнянь не был удивлен. Среди всех братьев Старший принц отличался особой жестокостью. То, что он сдержался до покоев, прежде чем выплеснуть гнев, уже было достижением. А евнух в комнате продолжал утешать хозяина:

— Ваше Высочество, потерпите. Каким бы наглым ни был этот Ши Цин, он лишь слуга. Вы — истинный дракон, ваше время еще придет.

— Верно. Наступит день, и я припомню ему всё. Я не убью его, нет... я оставлю его при себе, чтобы он мне прислуживал. Лицо у него незаурядное, а он-то как кичится своим благородством! Вот станет моим луаньчуном, будет каждую ночь ублажать меня на ложе — посмотрим, много ли благородства в нем останется.

Зрачки Юй Чэньняня мгновенно сузились. Он вырос в стенах дворца, и хотя встречал в книгах упоминания о «любимчиках для утех», сейчас он впервые услышал это слово вживую. И оно

было брошено в адрес Ши Цина.

Старший принц тем временем продолжал свои похотливые фантазии:

— Я запру его в потаенных покоях, надену золотые цепи и велю носить лишь тончайший шелк.

С каждым словом сердце Юй Чэньняня билось всё быстрее. Он невольно представил эту картину. Гордый, заносчивый Ши Цин в неволе... Стал бы он яростно шипеть и брыкаться своими изящными ножками? Или сразу пустил бы в ход кулаки?

Ши Цин дал ответ незамедлительно. Пока Юй Чэньнянь пребывал в оцепенении от услышанного, молодой господин одним резким ударом распахнул дверь и ворвался внутрь.

— Ах ты, мерзавец!

Прежде чем Юй Чэньхао и его слуга успели прийти в себя, юноша схватил тяжелый круглый табурет и с размаху обрушил его на Старшего принца.

— Так ты хочешь сделать меня своим луаньчуном?! — взревел Ши Цин.

Он с яростью наносил удары, целясь принцу в пах. Атака была столь стремительной, что евнух замер в оцепенении, глядя, как его господин получает табуретом именно в то место, о котором только что мечтал.

— А-а-а-а-а! — закричал Юй Чэньхао. Он скрючился, пытаясь прикрыться руками. — Что стоишь?! Хватай его!

— Тьфу на тебя! — Ши Цин снова замахнулся табуретом. Когда евнух наконец попытался вмешаться, юноша встретил его крепким пинком. — Пошел вон! Юй Чэньхао! Ублюдок! Не смей прятаться! Сегодня я из тебя всю дурь выбью!

Поняв, что скрывать больше нечего, Старший принц отбросил маску добродетели. Уворачиваясь от ударов, он прохрипел:

— Я принц! Избиение принца — это смерть!

Но Ши Цин и слушать не желал.

— К черту такого принца! С твоими грязными мыслями тебя и прибить не грех!

— Молодой господин, умоляю, успокойтесь!

Когда евнух вновь попытался перехватить табурет, Ши Цин в очередной раз отшвырнул его ногой и закричал Юй Чэньняню:

— Что ты там столбом стоишь?! Я зачем тебя звал?! Держи этого холопа!

Юй Чэньнянь мгновенно оказался рядом. Евнух попытался оттолкнуть его, но принц оказался сильнее — он мертвой хваткой вцепился в слугу, не давая тому пошевелиться.

Ши Цин бушевал. Юй Чэньхао, пропустивший несколько чувствительных ударов и вконец ослабевший от излишеств, не мог оказать достойного сопротивления. Юноша колотил его, пока на шум не сбежались люди.

Когда в дверях появились другие принцы и наставник, они застали хаос. Евнух и Юй Чэньнянь, застывшие в борьбе, были привычно проигнорированы. Ши Цин, тяжело дыша, опирался на стол, а рядом валялся злосчастный табурет. Юй Чэньхао забился в угол; он судорожно прижимал руки к паху, корчась от боли. Завидев свидетелей, он вцепился в подоспевшего слугу:

— Оставь меня! Живо к отцу! Веди Его Величество сюда!

Евнух тут же бросился вон. Почувствовав близость защиты, Старший принц приободрился. Он с трудом поднялся, опираясь о стену, и прошипел с ненавистью:

— Ши Цин! Избить принца... на этот раз даже отец не станет тебя защищать. Ты дождался своего конца!

— Посмотрим, кто чего дождался! — огрызнулся молодой господин.

***

Император прибыл незамедлительно. Под звонкий голос евнуха Юй Чэньхао встрепенулся. Его глаза заблестели, он поспешно сделал шаг вперед:

— Оте...

— Ваше Величество!!!

Не успел принц и рта раскрыть, как мимо него пронеслась хрупкая фигура. Тот самый юноша, что минуту назад гонял его по комнате с табуретом, теперь, содрогаясь от рыданий, припал к ногам императора.

— Ши Цин приветствует Ваше Величество!

Остальные принцы впали в ступор. Гордый и вспыльчивый Ши Цин теперь плакал взахлеб. Юй Чэньнянь тоже наблюдал со стороны за этим превращением хищного котенка в беззащитную жертву. Ши Цин плакал — нежно, горько, слезы градом катились по его изящному лицу. Император замер в недоумении:

— Встань, встань немедленно. Что случилось? Весь лик в слезах...

— Благодарю Ваше Величество, — всхлипнул Ши Цин, поднимаясь.

Юй Чэньхао наконец добрался до отца:

— Сын приветствует отца. Отец, ты должен...

— Ваше Величество, вы должны защитить подданного! — снова перехватил инициативу Ши Цин. — Старший брат... он зашел слишком далеко!

Юй Чэньхао задохнулся от возмущения:

— Я зашел далеко?!

Ши Цин вздрогнул и, как будто в смертельном испуге, попятился назад, робко прячась за спину императора.

— Я сам слышал... Брат сказал, что я всего лишь сын подданного и ничего не значу. Он сказал, что когда придет к власти... он сделает меня своим луаньчуном...

Старший принц стиснул зубы:

— Отец, не слушайте его! Это он ворвался и начал бить меня!

Но по лицу Ши Цина вновь потекли крупные слезы. Его голос лишился всякой тени недавней власти:

— Пусть я и не ровня Вашим Высочествам, но я — сын преданного министра. С малых лет меня учили чести. Но Старший принц... он приравнял меня к луаньгуну! Столь великое поругание... я не смог сдержаться.

— Отец, не верьте ему! Разве вы не знаете своего сына?

Ши Цин шмыгнул носом, его голос звучал робко:

— Если Его Высочество отрицает свои слова, то пусть объяснит... если бы их не было, как бы я — столь трусливый и слабый здоровьем — посмел без причины напасть на Старшего принца?

Юй Чэньхао чуть не лишился чувств от такой наглости. Лицо его исказилось:

— Отец, Ши Цин лжет! Мы поссорились только потому, что он обращается с Девятым братом как с рабом! Я не выдержал такой несправедливости! Спросите слуг!

Ши Цин даже не смутился. Всхлипывая, он произнес:

— Ваше Величество, мы с Девятым братом дружны. Он сочувствует моей слабости и сам вызвался помогать мне. А сегодня... я увидел, что брат стоит на морозе под снегом. Я пошел спросить Старшего брата, за что он его наказывает. Но это лишь разозлило Его Высочество, и он ушел в свои покои. Я пошел вслед за ним, чтобы просить прощения... но услышал такие ужасные слова...

Молодой господин не мог остановиться, утирая слезы:

— Ваше Величество говорили, что принцы мне как братья. Я и относился к Старшему брату как к брату, а он видит во мне лишь игрушку. Я ударил его и не прошу пощады. Накажите меня, но только освободите от роли его спутника. Иначе... настанет день, когда я окажусь закованным во дворце для его утех.

Лицо императора несколько раз сменило выражение. Он верил Ши Цину: тот был юн, всегда выказывал ему преданность и никогда не стал бы нападать на принца без веской причины. А Юй Чэньхао не смог даже поладить с ребенком, доведя дело до такого скандала. Подобное оскорбление в адрес сына Канцлера было непростительным.

Юй Чэньхао, заметив гнев отца, запаниковал:

— Отец, отец, клянусь, я не говорил этого! Он издевается над Девятым братом!

В порыве отчаяния он взмахнул рукой у самых ног Ши Цина. Тот мгновенно вскрикнул и забился в объятия Юй Чэньняня, дрожа всем телом. Этот вид убедил императора окончательно. И тут сработал принцип домино: другие принцы тоже начали свидетельствовать против Юй Чэньхао.

— Отец, я свидетель: Ши Цин и Девятый брат действительно ладят.

— Верно, Ваше Величество. Ссора началась из-за того, что Девятый брат простоял на снегу

больше часа по приказу Юй Чэньхао.

Взор императора стал ледяным:

— Ты всего лишь старший брат, а возомнил о себе невесть что. Даже я никогда не заставлял вас стоять на холоде столько времени.

Юй Чэньхао почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Отец, это не так! Он использует его как раба!

Император посмотрел на Ши Цина, прильнувшего к Юй Чэньняню, и окончательно убедился в глупости первенца.

— Если хочешь солгать — придумай что-нибудь правдоподобное. Раз тебе так не нравится в императорском кабинете, выбери день и покидай дворец, живи в собственном поместье.

Старший принц застыл. Отъезд из дворца означал конец надеждам на трон. Его увели под стражей. Император еще немного поутешал Ши Цина и, сохранив на лице выражение «и как у меня мог родиться такой идиот», отбыл восвояси.

Остальные принцы вышли проводить его, оставив Юй Чэньняня утешать «горько плачущего» Ши Цина. Как только шаги затихли, подросток мгновенно поднял голову и осторожно огляделся. Убедившись, что все ушли, он выпутался из рук юноши и сладко зевнул. Заметив, что Девятый принц всё еще смотрит на него в упор, Ши Цин вновь надменно вскинул подбородок:

— Чего вытарашился? Не думай, что раз ты мне помог, то стал великим героем. Тебе просто повезло. Раз уж я наговорил такого императору, с этого дня я буду тебя опекать. Но ты по-прежнему будешь носить меня на спине. И в полдень заходи ко мне в комнату — будешь доедать то, что мне не нравится.

Подросток задумался на мгновение, а затем махнул рукой:

— Пока не придумал, потом добавлю. Я устал и хочу спать. Когда те двое вернутся, скажи им, что я утомился от слез и пошел отдыхать. А потом приходи ко мне.

Высказав это, он заметил, что Юй Чэньнянь продолжает молча наблюдать за ним. На белом личике проступило раздражение. Он вытянул ножку и легонько пихнул юношу:

— Что ты застыл?! Я с тобой разговариваю!

— Хорошо, — ответил Юй Чэньнянь.

Глядя на удаляющуюся спину торжествующего Ши Цина, Девятый принц остался в комнате один. Перемена в поведении мальчика была разительной. Перед теми, кто был выше, он предстал хрупким котенком: мастерски играющим роль слабой жертвы. С теми же, кто был ниже, он становился надменным тираном. В нужный момент он без тени смущения искал защиты в его объятиях.

В голове Юй Чэньняня внезапно вспыхнула мысль. Если однажды он обретет истинную власть... станет ли тогда Ши Цин смотреть на него с таким же заискивающим и робким восторгом? Тот самый «котенок» будет всецело принадлежать ему. Те мгновения покоя, что он получал лишь во время дневного сна Ши Сяоцина, станут вечностью.

Взор юноши потемнел, в глазах начала разгораться искра великого честолюбия. Он посмотрел на свои ладони. В его сердце зародилось неистовое желание взойти на престол. И когда наступит тот день... когда его руки сомкнутся на этой тонкой талии, Ши Цину больше не удастся капризно ворчать, что ладони принца слишком горячие, и требовать их убрать.

[Уровень отторжения Юй Чэньняня: 88/100]

<http://bllate.org/book/15834/1439477>